

МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА В ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. ГОРЕЦКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Одной из отличительных черт языка художественной литературы является использование в особой, художественной функции языковых средств, имеющих различную стилевую окрашенность, в том числе и находящихся за пределами литературного языка. Использование диалектной лексики, устаревших слов, просторечия, разного вида заимствований служит важным средством создания колорита эпохи, места, среды, делает речь героев и персонажей произведения яркой, индивидуализирует их характеры. Введение в текст художественного произведения перечисленных групп лексики обусловлено, как правило, идейно-художественными задачами произведения.

При сопоставлении оригинальных и переводных текстов художественной литературы можно обнаружить некоторые особенности использования лексики. Интерес представляет употребление в переводных текстах «чужих» слов. Это явление в лингвистической литературе получило название «художественное двуязычие» (художественный билингвизм). В современной лингвистике художественный билингвизм определяется как «творчество с использованием для создания художественных произведений инонациональных языковых средств» [1, с. 9].

Традиционно выделяют два вида художественного билингвизма: оригинальное творчество и художественный перевод. Исследователь белорусско-русского двуязычия А.А. Гируцкий выделяет и их основные разновидности: оригинальное творчество – творчество на неродном языке, творчество на двух языках, творчество на родном языке с использованием элементов другого языка; художественный перевод — авторский перевод, профессиональный перевод и авторизованный перевод [1, с. 27—29]. Кроме того, «проявления двуязычия в области художественного творчества определяются и жанровыми разновидностями – прозой, поэзией, драматургией... Художественный перевод как вид художественного двуязычия также имеет свою жанровую специфику» [1, с. 30]. При художественном переводе важно, чтобы был передан индивидуально-авторский стиль писателя. По мнению В.С. Виноградова, основная цель художественного перевода заключается в «сохранении содержания, функций и идейно-художественных ценностей оригинала» [2, с. 24].

При переводе художественного произведения на другой язык происходит его трансформация из одного культурно-исторического пространства в другое. При этом переводчик должен помнить, что для носителей другого языка не всегда понятен и образ мыслей другого народа, и определенные реалии, явления. Поэтому при переводе на другой язык необходимо подбирать такие слова и выражения, которые способны наиболее полно передавать сущность специфики стиля оригинала и отражать «не языковые средства оригинала, а их функциональную роль» [3, с. 11]. Особой осторожности в переводных текстах требует использование белорусизмов. Как правило, белорусизмы не входят в систему русского языка или остаются на его периферии. Однако использование белорусизмов в переводных текстах – явление достаточно распространенное.

В своих произведениях М. Горецкий сумел создать широкую панораму жизни нашего народа, где нашли свое отражение быт и нравы белорусской деревни, важнейшие исторические события; поэтому вполне закономерно и неизбежно

использование в переводах его произведений белорусизмов. Наиболее широко в переводных текстах произведений М. Горьцкого употребляются лексико-стилистические белорусизмы, т. е. слова, которые полностью или частично совпадают с русскими по значению, но являются в то же время в русском языке, в отличие от белорусского, стилистически маркированными (могут относиться к другим стилям или другим пластам лексики). Такие слова, как правило, отличаются от белорусских своими изобразительными возможностями. В качестве эквивалентов белорусских стилистически нейтральных слов в переводных текстах произведений М. Горьцкого используются следующие группы русской стилистически ограниченной, маркированной лексики:

- русская устаревшая: *горше, хляби, червонный, сходка, возбранить, доля, харчевня, неведомо, докучать, година*; встречаются и устаревшие слова, употребляемые в нелитературном языке (имеющие в словарях пометы разг., прост., обл.): *лихо* (уст. и прост.), *пуще* (уст. и прост.), *девка* (уст. и прост.), *каменя* (уст. и прост.), *худой* (уст. и разг.), *молодица* (уст. и обл.) и т. д.;

- русская просторечная: *хлопец, хлопчик, волочь, остинец, пытать* (в знач. 'расспрашивать'), *колдобина, кулеш, любо, любота, рсдимей, гулянки, воротиться, дивиться, брехать, спервоначалу, гомонить, мутерно, свара, подмога, затуркать, нашенский, сызнова, видать, шастль, аккурат, зажулить, давешний, помереть, скликать, покалякать, закуток, притулиться, торба, женка, вдрызг, думка, ихний*; некоторые из них имеют и дополнительные оттенки: *напялить* (прост, пренебр.), *ворюга* (прост, презр.) и др.;

- русская разговорная: *силком, поспеть, мастак, печурка, насуниться, чертенята* (перен.), *снедь, прогалица, пеперешний, диво, ломовик, зажуричься, голик, квочка, шельма, насили, гвалт* и т. д.;

- русская диалектная: *соханей, люлька, стреха, сиверко, фурманка, криница, хвороба, вечерять, горлач, с пещя, поветь* и др.

Наряду с белорусской нейтральной лексикой в переводных текстах встречаются белорусские разговорные и диалектные лексемы: *молодуха, коза, тата, таточка, резаны, быдло, буркалы, гешефт, нашенский, подмога* и др.

Следует отметить, что чрезмерное увлечение названными группами лексики приводит к искажению идейно-художественных особенностей оригинала, а иногда и к искажению всего смысла высказывания. Так, в качестве эквивалента к белорусскому слову *даўнейшы* используется русское просторечное слово *давешний* («Тихое течение»). Названные прилагательные в русском и белорусском языках имеют разные, даже противоположные значения: *даўнейшы* — 'які адбыўся задоўга да цяперашняга часу' [4, с. 172]; *давешний* (прост.) — 'недавний, происшедший незадолго до момента разговора; тот самый, что был недавно' [5, с. 150]. Отсюда несоответствия в тексте оригинала и в переводе: *Зацяглая і безнадзейная вайна, як хмара, павісла кожнаму, і пад яе шэраю заслонаю не хапала даўнейшага сонейка і вясёлых яго кос* [6, с. 310]. — *Затянувшаяся, безнадёжная война нависла над всеми, словно туча, под серым покровом которой недоставало давешнего солнышка, недоставало его веселых лучей* [7, с. 190].

Белорусскому стилистически нейтральному слову *злодзей* соответствует стилистически нейтральное русское слово *вор*. В переводе на русский язык рассказа М. Горьцкого «Родные корни» переводчик употребляет русское просторечное слово *ворюга*, имеющее дополнительный оттенок презрительности. Использование этого

слова тоже не вполне оправданно, т. к. переводчик как бы интонационно переводит речь персонажа в несколько другое русло, придавая ей тем самым иной оттенок: *Злодзеі, можа, ды там жа красці няма чаго, — сказаў я* [6; с. 18]. — *Може, ворюга* какой, не ведь там красть нечего, — сказал я [7; с. 18].

Еще один пример, показывающий, что к переводу каждого белорусского слова следует подходить внимательно, подбирать к нему такие русские эквиваленты, чтобы они не противоречили идейно-образной структуре подлинника. Белорусскому стилистически нейтральному слову *снеданне* ('ранішня яда, а таксама ежа, прызначаная для ранішняй яды'; [4, с. 612]) соответствует русское нейтральное слово *завтрак* ('1. Утренняя еда. 2. Пища, приготовленная для утренней еды'; [5, с. 200]). Для создания «белорусского» колорита переводчик использует русское разговорное слово *снедь*, имеющее в русском языке значение 'всякая пища, еда' [5, с. 738]; в белорусском языке ему соответствуют стилистически нейтральные *ежа, яда*. При переводе не были учтены и бытовые факторы (как правило, косцы отправляются на сенокос ранним утром, до восхода солнца, поэтому в данном случае следует вести речь не о всякой еде, пище (*снеди*), а именно о *снеданні* — завтраке): *Подаўна час маленькаму канюшку пра-хапіцца ад смачнага сону і бегаць дахаты, несці адтуль снеданне касцам на сенажаць* [6, с. 292]. — *Маленькому конюху давно пора очнуться от сладкого сна и бежать в деревню, нести косцам снедь на покос* [7, с. 172].

Рисую образ деревенской девочки («Тихое течение»), автор употребляет белорусское разговорное слово *малеча*, показывая тем самым свое отношение к персонажу: *І сарамліва іншы раз азірнецца, ці не пройдзе міма які хлапец з гэтай чужой вёскі, — быццам таму хлопцу дужа яна ў галаве, такая малеча* [6, с. 301]. — И стыдливо озирается по сторонам, не пройдет ли мимо парень из этой, чужой деревни, будто ему только она и на уме, эта *тигалица* [7, с. 181]. Белорусское слово *малеча* и русское *тигалица* имеют разное смысловое и интонационное значение: *малеча* — 'маленькая дзіця' [4, с. 330], *тигалица* (перен.) — 'о невзрачном, низкорослом человеке (разг. пренебр.)' [5, с. 517]. Пример свидетельствует, что неоправданное употребление разговорного слова может привести к изменению интонации высказывания, а вместе с тем и авторского отношения к своему персонажу, снижает стиль перевода.

При использовании в переводных текстах белорусских слов, приближающихся к русским по звучанию (белорус, *шептуха* — рус. *шептунья*), могут возникать для носителя другого языка «ситуации непонимания». Так, в белорусском языке существительные *шаптун, шаптуха* имеют значение 'знахар, чараўнік' (уст.) [4, с. 755]. Переводчик калькирует белорусское слово *шаптуха*, вводит его в адаптированном к русскому языку виде в текст перевода — *шептуха*, что является не вполне оправданным приемом, т. к. у русскоязычного читателя могут возникнуть ассоциации с русским разговорным словом *шептун* (шептунья), имеющим значения: 1. 'Тот, кто шепчется'; 2. перен. 'Сплетник, распространитель слухов (неодобр.)' [5, с. 894]. Более правильным было бы употребление существительного *знахарь* (*знахарка*) — 'лекарь-самоучка, действующий собственными примитивными способами, часто с колдовскими приемами' [5, с. 232]: *Хадзілі да яго і нашы бабы-шаптухі са сваімі радамі* [6, с. 129]. — *Приходили к старому ученому и бабки-шептухи со своими советами* [8, с. 187].

Среди исследователей переводов нет единого мнения о проблеме

использования в переводах стилистически маркированной русской лексики. Некоторые ученые считают, что «нет большого греха, если переводчик для «белорусского колорита» переносит понятные и русскому читателю слова» [9, с. 176]. Подобную точку зрения имеет и А. Яскевич, считая, что для адекватного перевода переводчик должен обращаться не к нейтральной лексике, а к иным стилистическим пластам русского языка, к говорам и диалектам [10, с. 86—87]. Однако приведенные примеры свидетельствуют, что неоправданное употребление стилистически маркированной лексики иногда приводит к искажению смысла повествования, «переводит авторскую речь в другую тональность, делает ее экспрессивно насыщенной и искажает художественную структуру оригинала» [1, с. 103].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гіруцкі А. А.* Беларуско-русскі художественны бilingвізм: тыпалогія і гісторыя, мовныя працэсы. Мн., 1990.
2. *Виноградов В. С.* Лексическія пытання перавода художественнай прозы. М., 1978.
3. *Мартынава Э. М.* Беларуска-украінскі паэтычны ўзаемапераклад. Мн., 1973.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / Пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. Мн., 1996.
5. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997.
6. *Гарэцкі М.* Творы: Апавяданні, аповесці. Мн., 1995.
7. *Горецкий М.* Избранное. Мн., 1989.
8. *Горецкий М.* Красные розы: Избранное. Мн., 1976.
9. *Арочка М.* Кораблю поэзии — большое плавание // Неман. 1996. № 6.
10. *Яскевіч А. С.* Грані майстэрства. Мн., 1974.
11. *Гарэцкі М.* Збор твораў: У 4 т. Мн., 1985.
12. *Міхневіч А. Я., Гіруцкі А. А.* Вазьмі мае Слова...: Нататкі аб лексічным ўзаемаўплыве беларускай і рускай моў у кантэксце ўзаемадзеяння культур. Мн., 1990.